

УДК 821.161.1.09-4+929[Айтматов+Распутин]

ОБРАЗ РУБЕЖА ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ В ПУБЛИЦИСТИКЕ Ч. АЙТМАТОВА И В. РАСПУТИНА

Ю. О. Васильева

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: Julia5015@yandex.ru

На рубеже тысячелетий Ч. Айтматов и В. Распутин в публицистических выступлениях осмысливают историсофские вопросы, обозначают вызовы, с которыми столкнулось человечество в канун миллениума, ищут пути выхода из антропологического кризиса. В статье сравниваются позиции двух писателей, обладающих «мировым зрением», и выделяются основные мотивы их публицистического наследия.

Ключевые слова: Айтматов, Распутин, публицистика, образ миллениума, эсхатологические мотивы, проблема антропологического кризиса, мотив памяти.

The Image of the Turn of the Century in the Journalism of Ch. Aitmatov and V. Rasputin

Yu. O. Vasilyeva

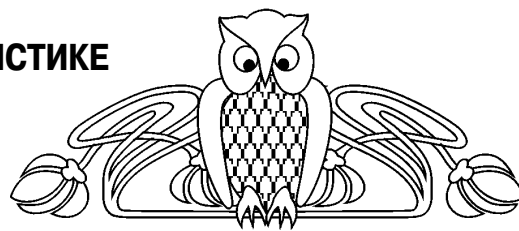
At the turn of the century in their journalistic works Ch. Aitmatov and V. Rasputin reflect on historiosophic issues, identify challenges the humanity faces on the eve of the millennium, look for ways out of the anthropological crisis. In the article the viewpoints of the two writers with the 'universal points of view' are compared, and the main motives of their journalistic heritage are singled out.

Key words: Aitmatov, Rasputin, journalism, millennium image, eschatological motives, issue of anthropological crisis, memory motive.

DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-3-338-342

В канун миллениума два выдающихся писателя, проникнутые национальным духом и при этом обладающие «мировым зрением», – Валентин Распутин и Чингиз Айтматов – напрямую в публицистике высказали то, что звучало в их художественных произведениях. Звучало, но было ли услышано?

Распутин представляет рубеж тысячелетий как «мистическое окончание одной книги бытия и начало новой»¹. С одной стороны, писатель говорит об избранности того поколения, которому суждено пережить момент, когда «солнце, зайдя на западе за горизонт второго тысячелетия, через несколько часов взойдет на востоке в третьем, и мы обновимся дыханием какой-то новой жизни»². С другой стороны, заметен страх прозаика перед тем, что «мы окажемся избранниками для суда над человеком за все, чему он попустил в своих алчности, отступничестве и неразборчивости»³. Писатель рассматривает миллениум как смутное время: «2000 год – вершина, которой не бывало уже тысячу лет. Есть свидетельства <...>, что

переход одного тысячелетия в другое – смутное время. Как в природе, так и в обществе. Природа начинает взysкивать, как бы за грехи людей. Существует некая закономерность: там, где смута, там природные катаклизмы наиболее вероятны и ужасны»⁴.

В 1997 г. В. Г. Распутин пишет, что «наши чувства, наша психика еще не готовы к “образу” этого события, впереди годы, но чем ближе к “нему”, тем сильнее нас охватывает тревога: кто мы? что мы? с чем являемся на “юбилей”? кого там будут чествовать и кого судить? каково наше будущее?»⁵. Рубеж тысячелетий, к которому подходило человечество, – повод осмыслить на новой ступени развития как историю человечества, так и события последнего столетия.

Айтматов и Распутин в значительной мере сходятся в обозначении ключевых проблем, которые обострились во второй половине XX в. Начнем с технического прогресса. Конечно, это ключ к огромным возможностям, но, как говорит Чингиз Айтматов, он «как бы постоянно вырывается вперед и часто становится неподвластен творцу»⁶. Валентин Распутин сравнивает прогресс с «накренившимся кораблем, загребаящим бортом воду вдали от берегов»⁷. Оба писателя говорят о том, что развитие науки и техники привело человечество к не столь радужным результатам, как можно было рассчитывать, – где-то люди сбились с пути.

Прозаики фиксируют парадокс, связанный с техническим прогрессом: изначально он был призван облегчить человеческую жизнь. В какой-то мере он выполнил эту функцию, однако вместе с этим поставил цивилизацию под угрозу самоуничтожения. Айтматов размышляет: «Чем свободнее становимся благодаря расцвету науки и техники, тем острее, если не сказать болезненнее, ощущаем несвободу»⁸. Киргизский писатель показывает это на самом простом примере – раньше человек мог самостоятельно изготовить все, что необходимо ему для жизни, а теперь, когда у него ломается бытовой прибор, зачастую оказывается лишен привычного жизненного уклада.

В итоге дело доходит до того, что не техника служит человеку, а люди обслуживают машины. «Прогресс постепенно превращался в фабрику, которая внешне облегчала жизнь, но все крепче и крепче закабаляла человека и уродовала его»⁹, – пишет В. Г. Распутин.

Ч. Айтматов отмечает, что с развитием прогресса меняется внутренняя природа человека. Люди настолько привыкли к благам цивилизации, что теперь не способны обходиться без них. «Теперь он [человек] обречен: он уже не умеет существовать без того, чтобы его развлекали, и испытывает невыразимый, необъяснимый ужас оттого, что ему невыносимо остаться наедине с самим собой. Тут-то и выясняется: его самого как бы и нет. <...> Вот он, апофеоз отчуждения человека, отчуждения от самого себя»¹⁰.

Распутин поднимает проблему сложности адаптации человека к научно-технической революции. Окружающий мир, по мнению писателя, настолько изменился, что для преодоления человеческого разрыва необходимо изменение природы homo sapiens, совершенствование его физических и психических возможностей. В новом мире выживет человек, способный перерабатывать поток постоянно приумножающейся информации и переносить те перегрузки, которые были неведомы представителям предыдущих поколений. Но здесь Распутин ставит вопрос о том, сохраняют ли люди нового типа в ходе подобных преобразований свои морально-нравственные качества: «Как это скажется на его [человека] духовных знаках, принимаемых вместе с человеческим обликом, будут ли заповеди “не убий”, “не укради”, “не прелюбодействуй” исполняться остатками нравственных законов или они станут регулироваться электронным предупреждением, сохранится ли в человеке “музейный” уголок, где доживающая свой век бабушка-совесть сможет предаваться воспоминаниям»¹¹.

П. Каминский, анализируя распутинские публицистические сочинения, показывает, что человек, отступив от законов бытия, «претерпевает атрофию своего природного начала <...> За этим следует и другое противоречие – диспропорция в человеке рассудочного начала и души, когда рассудок перестает корректироваться нравственным чувством»¹².

Ради прогресса человек где-то сознательно, а где-то потому, что не сумел вовремя предугадать последствий, губит природу. Экология является одной из важнейших сквозных тем публицистических выступлений Айтматова и Распутина. Писатели приводят множество примеров загрязнения рек, вырубки лесов, истребления редких видов животных. Так, на Байкале построено опасное производство, Аральское море оказалось полностью загублено – к этим и многим другим болевым точкам Айтматов и Распутин не однажды обращаются и в художественных, и в публицистических произведениях. У обоих прозаиков в качестве трагического события, которое могло бы заставить человека остановиться, фигурирует Чернобыль. Айтматов говорит об аварии на атомной электростанции как о «трагедии, которая всем нам со “школьной” наглядностью показала, что не обязательно нужна война, чтобы навеки

искалечить жизнь людей»¹³. Распутин пишет, что человечество «как бы споткнулось, потеряв на мгновение сознание, но быстро пришло в себя и, отдав дань “милосердному” откуп, бросилось наверстывать упущенное, оставив позади Чернобыль как учебную “вершину”»¹⁴.

Для нас здесь важно, как экологическая проблематика связана с нравственно-философским аспектом. Прежде всего, варварское отношение к природе стало возможным из-за изменения **меры** человека: носители антропоцентрического мировоззрения возомнили себя хозяевами природы. Ч. Айтматов подробно рассуждает об этом в диалогах с Икедой. «Антропоцентрический взгляд развратил человека, внушил, что ему предназначено установить господство над космосом»¹⁵, – говорит японский мыслитель, и Айтматов выражает свое согласие с ним. Собеседники приходят к выводу, что человеческая цивилизация сейчас поставлена под угрозу самоуничтожения. Причем для Чингиза Айтматова здесь обозначается спиралеобразное развитие патологии: человек совершенствует свои навыки и изобретает уникальные механизмы, приобретая новые возможности, это дает ему основания представить себя царем природы, особенно в условиях духовного кризиса, когда забыто, что все происходит по воле Божией. Затем ощущение эйфории начинает подтачивать человека изнутри, ради покорения природы и сиюминутной выгоды он готов отдать все, что имеет, в том числе возможность продолжать свой род. «Тут какая-то загадка. Не столкнулись ли мы с неким феноменом трагической, если можно так выразиться, патологии? Может быть, эйфория покорения природы постепенно, малыми дозами так ожесточила нас, что мы не заметили, как это произошло, и принимаем за норму. В итоге атрофировалось чувство продолжения рода человеческого. Ибо мы настолько устали, пресытившись “победами”, что утратили вкус к жизни, и нам остается только махнуть рукой на все?»¹⁶

Распутину человек, разрушающий природу, представляется существом, которое уничтожает то, что питает его, от чего зависит вся его жизнь. «Человек в буквальном смысле слова выгрызает свою земную обитель, оставаясь в абсолютном большинстве голодным и обделенным, а значит, все более агрессивным»¹⁷. Последствия технической революции прозаик представляет как изменения эсхатологического характера: «Небо и земля восстали: в небе появились обжигающие озоновые дыры, земля отвечает разрушительными землетрясениями на местах социальных и межэтнических потрясений, мечет засухи и наводнения, тайфуны и обвалы, на глазах происходит изменение климата, грозя изменением температурных зон и растоплением вечных льдов»¹⁸.

Осмысляя российскую историю, Айтматов говорит о том, что роковую роль в раскрепощении человека по отношению к природе сыграла революция: «Люди, не щадившие в гражданской

войне ни отца, ни брата, уже с веселой яростью и прибаутками крушили очередного врага – “природу”. А если угодно, в них выиграла жуткая идея революционной вседозволенности»¹⁹. О трагедиях, которые произошли в нашей стране с приходом советской власти, об изменении человеческой природы говорил и В. Распутин: «Храмы разбомбили, человека освободили от нравственной чистоты и греха, подросло пьянство. Дальше – больше. “Неперспективные” деревни – это преступление, не иначе. Сотни тысяч, миллионы селян заставляли покидать родные вековые деревни и сравнивать их с землей, терять душу и красоту»²⁰. (Оговоримся, Распутин неоднозначно высказывался о советском прошлом и Сталине в разных выступлениях: в 90-е годы ему казалось, что до перестройки народу в нашей стране жилось легче.) Сейчас нам важнее установить взаимосвязь: сначала человек погрел нравственный закон, допустив аморальное отношение к ближнему. Затем он перестал считаться с природой. Окружающая среда уже подает человеку сигнал в виде стихийных бедствий, но это, в свою очередь, еще больше ожесточает его.

Чтобы предотвратить надвигающуюся катастрофу, признаки которой в публицистических высказываниях фиксируют и Айтматов, и Распутин, необходимо, прежде всего, осознать гибельность пути. Проблема в том, что этого сейчас не происходит. «<...> для того чтобы могло возникнуть апокалиптическое предощущение, – пишет Айтматов, – необходимо, чтобы в сознании людей жили сопоставимые представления добра и зла из поколения в поколение. Не обманываем ли мы, не прячемся ли от ответа самим себе? <...> Собственно, за что предрекать неминуемую кару людям – как расплату за эйфорию, что ли, в которую они впали, не предаваясь философским размышлениям о печальных последствиях для будущих поколений?»²¹

Несколько в ином ключе проблему рассматривает В. Распутин. По его мнению, человек сознательно или бессознательно чувствует, что нарушает законы бытия и ощущает, что расплата за такое поведение последует обязательно. Однако он стремится оттянуть ее: «Во что бы то ни стало оттянуть выплаты (расплату!) сделалось идеологией, экономикой и политикой существующего порядка вещей. И неминуемость расплаты сделалась его постоянным страхом, за спинным дыханием преследователя, вошла в характер, в нерв и ритм времени. Не в этом ли причина ускорения жизни, все набирающего и набирающего обороты, – убежать, не отвечать, перевалить, не меняя привычек и вкусов, на следующие поколения!»²². Образ человечества, за которым лишь выжженная земля, возникает и в айтматовском повествовании: «Знаете, какую картину я вижу: бегущее человечество, за которым рушатся и исчезают мосты <...> инстинктивно боимся оглянуться – можно онеметь от страха, – за нами пустота или Чернобыль»²³.

Важно, что внутренняя сущность человека уже в значительной мере видоизменена. Человек живет не так, как это было принято в течение многих столетий. Для Ч. Айтматова явным подтверждением этого является угасание инстинкта материнства. В диалогах с Икедой писатель говорит о том, что многие современные женщины не стремятся иметь детей: они считают ребенка обузой, который может помешать сделать карьеру или насладиться радостями жизни. Как об очень опасном явлении писатель говорит о социальном сиротстве. Он упоминает, что раньше бывали случаи, когда овцы отказывались от ягнят, – в этом киргизы видели большую трагедию, гнев стихии, признак сдвига с привычных основ. «Я далек от мысли, чтобы сопоставлять прошлое и современность в этом духе... И однако... Эгоизм, насквозь пронизавший нашу цивилизацию, стремление жить только для себя, ради удовлетворения своих удовольствий»²⁴, – все это осознается писателем как симптом болезни современного общества.

О месте женщины в патриархальном и современном обществе много пишет Распутин в статье «*Cherchez la femme*. Вечный женский вопрос». По мнению писателя, «женщину совратили публичной значительностью и освободили (а потом она и сама себя принялась освобождать) от ее извечной и тихой обязанности культурного укоренения народа»²⁵, и это привело к судьбоносным изменениям всей цивилизации.

Мы видим, что Распутин и Айтматов фиксируют приметы саморазрушения человечества, убереечь от которого, казалось бы, способна культура. Так, киргизский писатель считает, что ей необходимо органично развиваться, а не заменяться на новую: «Человек, в какой бы ультрасовременной машине он ни путешествовал, обязательно должен <...> исповедовать правила, законы морали, завещанные нам предками. И главный закон: не все дозволено»²⁶. Ч. Айтматов связывает культуру с памятью, в то время как в условиях разрушения культуры, которые фиксирует писатель на рубеже XX–XXI вв., распадается связь времен: «Беспамятство – корень всех зол, обрушившихся на человечество в лице тоталитарных режимов»²⁷. Причину целого ряда острейших проблем современности киргизский писатель видит в разрыве человека с историей. По мнению Айтматова, народ, не ощущающий связи с прошлым, «невольно отчуждается от “космоса” бытия, он обрекает себя на обывательское существование в ограниченном, замкнутом пространстве и времени; а это чревато той невыразимой, но вполне реальной мукой, какую испытывает, допустим, заключенный, который не знает, за что сидит»²⁸.

О разрушении культуры много и подробно говорит В. Распутин. По его мнению, в эпоху безграничной свободы «культурой и нравственностью стало то, что никогда ими не было, а в воспитатели вышли люди сомнительных правил, святость превратилась в насмешку»²⁹. В различных статьях

сибирский писатель не однажды повторяет этот тезис, приводя в пример игнорирование, отмену всех нравственных табу, существовавших в течение тысячелетий. На экранах теперь появляется порнография, многократно демонстрируются бессмысленные сцены жестокости, кощунственно изображаются святые. «Культура, вместо того чтобы противостоять перевороту своих ценностей, с необыкновенной готовностью принялась их обслуживать, вскармливая внутри себя собственного убийцу»³⁰, – с горечью констатирует писатель. Очень близкие идеи по поводу массовой культуры формулирует Ч. Айтматов: «Более всего сегодняшнему человечеству, на мой взгляд, грозит духовное одичание, озлобление и цинизм. В искусстве царит невежество, порнография, культ насилия»³¹.

Испокон веков ценности культуры передавались от родителей детям, однако в современных реалиях ускоренного развития поколения людей, между рождением которых два-три десятилетия, оказались практически не способны к взаимодействию. Темпы развития общества настолько увеличились, что поколению отцов и детей гораздо труднее найти общий язык, чем, например, сто лет назад.

Таким образом, и Айтматов, и Распутин фиксируют экологический, морально-нравственный, духовный кризис, характерный для миллениума. «Образ сегодняшнего мира – это крушение всех надежд, которыми утешалось человечество на протяжении своей истории, которые вкладывало оно в разные формы своей деятельности – от практической до художественной и от политической до моральной»³², – констатирует Валентин Распутин.

Наконец, необходимо остановиться на вопросе, видят ли писатели пути выхода из антропологического кризиса? Здесь позиции Айтматова и Распутина вновь сходны – мир изменится, если каждый будет готов взять на себя ответственность за то, что происходит на планете Земля: «<...> спасение в человеке. Пока не изменится он, нельзя изменить и внешний порядок, способы хозяйствования, управления, контроля и распределения. Он – мера всех вещей. Если он останется игроком, проматывающим последние природные, культурные и духовно-нравственные накопления, ждать надежды неоткуда»³³, – пишет В. Распутин. Айтматов много говорит о том, что ради преодоления кризисных явлений всем народам планеты Земля необходимо консолидироваться: «Человечество, если хочет выжить, продлить свой род, должно объединиться»³⁴.

И все же путь к спасению Айтматов и Распутин видят несколько по-разному. Валентин Григорьевич, на наш взгляд, порой идеализирует русский народ. Путь выхода из кризиса он видит в вытеснении всего иностранного, возвращении к русским национальным ценностям: «Вера. Земля. Человек. Три главных, коренных слова русской цивилизации, три основополагающих ее понятия, три кита, на которых она стояла и пока еще

удерживается, – всеобъемлющее единство нации и государства»³⁵. Нередко писатель показывает, что его соотечественников просто развратили, как бы снимая с отдельного человека ответственность за свою судьбу. Избавившись от западного влияния, по мнению Распутина, народ найдет путь к раскаянию и самосовершенствованию. Ч. Айтматов чаще говорит о судьбе всей человеческой цивилизации, а не одной национальной культуры. По его мнению, преодолеть кризис может лишь все человечество, совместными усилиями, однако для этого каждый должен понять, что лично он – среди тех, от кого зависит будущее планеты Земля.

В. Распутин в ряде публицистических выступлений настаивает на том, что лишь возвращение России к православию способно помочь современному человеку. Ч. Айтматов высказывается о роли религии в развитии современного человека неоднозначно. С одной стороны, киргизский писатель говорит о том, что в XX в. эпоха вседозволенности началась с того, что люди забыли Бога. Но сам прозаик остался на внерелигиозных позициях. В его выступлениях нередко звучала утопическая идея о слиянии религий: «Современный человек может исповедовать сразу все религии – христианство, ислам, буддизм и другие – в той мере, в какой они ему доступны, и в той части, где они несут в себе общечеловеческие ценности нравственности и культуры»³⁶. На наш взгляд, Айтматов до конца своих дней придерживался гуманистических идеалов.

На уязвимость такой позиции указывают многие мыслители конца XX в. Так, А. И. Солженицын в «Речи в Гарварде на ассамблее выпускников университета 8 июня 1978 г.», формулируя многие из тех проблем, о которых говорили Айтматов и Распутин, в качестве причины «переклона свободы в сторону зла» называет «гуманистические человеколюбивые представления, что человек, хозяин этого мира, не несет в себе внутреннего зла»³⁷. По мнению лауреата Нобелевской премии, человек сможет избежать губительных последствий лишь в том случае, если он сможет сохранить в себе духовное начало: «Только добровольное воспитание в самих себе светлого самоограничения возвышает людей над материальным потоком мира»³⁸.

Ч. Т. Айтматов и В. Г. Распутин на рубеже тысячелетий ставят вопросы о месте человека в современном пространстве, фиксируют антропологический кризис, в котором находится цивилизация, и, подключаясь к многовековому спору о мере человека, пытаются наметить пути решения общемировых проблем. Жанр публицистических выступлений позволяет писателям гораздо полнее, нежели это возможно в художественном творчестве, выразить свои позиции по поводу острейших вопросов современности. По мнению Валентина Распутина, «"знакового" художественного образа для выражения нынешнего состояния России <...> литература предложить не смогла. <...> реальность оказалась за гранью возможностей литературы.

Для нее есть единственный образ – Апокалипсис в Откровении Иоанна Богослова»³⁹. С учетом анализа публицистики писателей, на наш взгляд, в дальнейшем может быть полнее и глубже проанализировано художественное наследие прозаиков.

Примечания

- ¹ *Распутин В.* Сколько будет лет в XXI веке? Предъюбилейные размышления // *Распутин В.* У нас остается Россия : Очерки, эссе, статьи, выступления, беседы / сост. Т. И. Маршковой, предисл. В. Я. Курбатова ; отв. ред. О. А. Платонов. М., 2015. С. 832.
- ² *Распутин В.* Унесенному – прощай? Мир на пороге третьего тысячелетия // Там же. С. 845.
- ³ Там же.
- ⁴ *Распутин В.* По-русски – значит по совести. Оптимистическая проза «пессимиста» Валентина Распутина / беседу вела Т. Серебрякова // *Рос. газ.* 2000. 21 апр. С. 25.
- ⁵ *Распутин В.* Сколько будет лет в XXI веке? ... С. 832.
- ⁶ *Айтматов Ч., Дайсаку Икеда.* Ода величию духа. Диалоги. М., 2012. С. 143.
- ⁷ *Распутин В.* Унесенному – прощай? ... С. 846.
- ⁸ *Айтматов Ч., Дайсаку Икеда.* Указ. соч. С. 180.
- ⁹ *Распутин В.* Наш Толстой : Юбилейное слово к 175-летию со дня рождения // *Распутин В.* У нас остается Россия... С. 587.
- ¹⁰ *Айтматов Ч., Дайсаку Икеда.* Указ. соч. С. 181.
- ¹¹ *Распутин В.* Сколько будет лет в XXI веке? ... С. 841.
- ¹² *Каминский П.* Время и бремя тревог : Публицистика Валентина Распутина. М., 2012. С. 194.
- ¹³ *Айтматов Ч., Дайсаку Икеда.* Указ. соч. С. 2013.
- ¹⁴ *Распутин В.* Сколько будет лет в XXI веке? ... С. 837.
- ¹⁵ *Айтматов Ч., Дайсаку Икеда.* Указ. соч. С. 229.
- ¹⁶ Там же. С. 244–245.
- ¹⁷ *Распутин В.* Сколько будет лет в XXI веке? ... С. 834.
- ¹⁸ *Распутин В.* Унесенному – прощай? ... С. 850.
- ¹⁹ *Айтматов Ч., Дайсаку Икеда.* Указ. соч. С. 246.
- ²⁰ *Распутин В.* Вопросы, вопросы // *Распутин В.* У нас остается Россия... С. 510.
- ²¹ *Айтматов Ч., Дайсаку Икеда.* Указ. соч. С. 171–172.
- ²² *Распутин В.* Сколько будет лет в XXI веке? ... С. 834.
- ²³ *Айтматов Ч., Дайсаку Икеда.* Указ. соч. С. 181, 182.
- ²⁴ Там же. С. 28.
- ²⁵ *Распутин В.* Cherchez la femme. Вечный женский вопрос // *Распутин В.* У нас остается Россия... С. 802.
- ²⁶ *Айтматов Ч., Дайсаку Икеда.* Указ. соч. С. 81–82.
- ²⁷ Там же. С. 75.
- ²⁸ Там же. С. 225.
- ²⁹ *Распутин В.* «Правая, левая где сторона?» // *Распутин В.* У нас остается Россия... С. 778.
- ³⁰ Там же. С. 787.
- ³¹ *Айтматов Ч., Дайсаку Икеда.* Указ. соч. С. 96.
- ³² *Распутин В.* Унесенному – прощай? ... С. 845.
- ³³ *Распутин В.* Сколько будет лет в XXI веке? ... С. 840.
- ³⁴ *Айтматов Ч., Дайсаку Икеда.* Указ. соч. С. 222.
- ³⁵ *Распутин В.* Земля // *Распутин В.* У нас остается Россия... С. 718.
- ³⁶ *Айтматов Ч., Дайсаку Икеда.* Указ. соч. С. 190.
- ³⁷ *Солженицын А.* Самое драгоценное. Речь в Гарварде на ассамблее выпускников университета 8 июня 1978 г. // *Слово.* 1990. № 4. С. 28–29.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ *Распутин В.* Эти двадцать убийственных лет (А век двадцатый близится к закату) // *Распутин В.* У нас остается Россия... С. 916–917.

Образец для цитирования:

Васильева Ю. О. Образ рубежа тысячелетий в публицистике Ч. Айтматова и В. Распутина // *Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика.* 2017. Т. 17, вып. 3. С. 338–342. DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-3-338-342.

Cite this article as:

Vasilyeva Yu. O. The Image of the Turn of the Century in the Journalism of Ch. Aitmatov and V. Rasputin. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 338–342 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-3-338-342.